

Лингвистическое градоведение Уфы: комплексный анализ урботекста полиэтничного мегаполиса

Евгения Андреевна Яковлева

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: e_yakov@mail.ru

Аннотация. Статья подводит итоги почти сорокалетних исследований в области лингвистического градоведения Уфы, выполненных в рамках научной школы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Цель работы – представить синтетическую модель описания полиэтничного города как сложного семиотического, коммуникативного и культурного феномена. На основе обширного эмпирического материала (более 1000 годонимов, 1350 рекламных текстов, 2000 ассоциативных реакций, полевые записи устной речи, городской фольклор, художественные тексты) в статье доказывается, что Уфа генерирует уникальный урботекст, характеризующийся тюркско-славянским билингвизмом, высокой степенью вариативности русского языка (Vernacular Russian), креолизованностью городского пространства и мифологизацией образов. В работе используются методы полевых записей, семиотического анализа, психолингвистического эксперимента, дискурс-анализа и риторической критики. Результаты исследования демонстрируют, что коммуникативная модель «город – урботекст – коллективный горожанин» является эффективным инструментом анализа городской идентичности. В данной модели «город» выступает как активный субъект коммуникации, «урботекст» является совокупностью всех речевых произведений, порождаемых городом, а «коллективный горожанин» представляет собой интегральный образ носителя языка, живущего в данном городе. Образ коллективного уфимца реконструируется через ассоциативные эксперименты, анализ речевых жанров и полевые записи авторов. Выявлены три доминантных образа Уфы в языковом сознании (купеческий, национальный, мегаполис), описаны механизмы неофициальной номинации городских объектов (ойкодомонимы, монументонимы, эргонимы), а также роль тюркизмов в русской разговорной речи как маркеров ингрупповой идентичности и стратегии вежливости. Отмечается, что языковое сознание уфимцев фиксирует не только объективные характеристики города, но и глубоко личные, эмоциональные, часто противоречивые образы. Ассоциативные эксперименты вскрывают латентные социальные конфликты. Городской фольклор (легенды, анекдоты, пословицы, сленг) является «культурным бессознательным» города, сохраняющим историческую память, транслирующим ценности, формирующим идентичность и в то же время дающим выход агрессии, страхам, иронии. Исследование уфимских логотипов показало, что эффективные логотипы апеллируют к архетипам – древним образам, хранящимся в коллективном бессознательном.

Ключевые слова: лингвистическое градоведение, урботекст, полиэтничный город, Уфа, коллективный горожанин, креолизованный текст, вариативный русский язык, тюркизмы, городские мифы

Для цитирования: Яковлева, Е.А., 2026. Лингвистическое градоведение Уфы: комплексный анализ урботекста полиэтничного мегаполиса, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 214–227. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.19>

Linguistic urban studies of Ufa: a comprehensive analysis of the urban text of a multiethnic metropolis

Evgeniya A. Yakovleva

Akmulla Bashkir State Pedagogical University,
Ufa, Russian Federation
E-mail: e_yakov@mail.ru

Abstract. The article summarizes the results of almost forty years of research in the field of linguistic urban studies in Ufa, carried out within the framework of the scientific school of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. The purpose of the work is to present a synthetic model for describing a multiethnic city as a complex semiotic, communicative and cultural phenomenon. Based on extensive empirical material (more than 1,000 toponyms, 1,350 advertising texts, 2,000 associative reactions, field recordings of oral speech, urban folklore, and artistic texts), the article proves that Ufa generates a unique urban text characterized by Turkic-Slavic bilingualism, a high degree of variability in the Russian language (Vernacular Russian), creolization of urban space, and mythologization images. The work uses the methods of field recordings, semiotic analysis, psycholinguistic experiment, discourse analysis and rhetorical criticism. The results of the study demonstrate that the communicative model “city – urban text – collective citizen” is an effective tool for analyzing urban identity. In this model, the “city” acts as an active subject of communication, the “urban text” is the totality of all speech products generated by the city, and the “collective citizen” is an integral image of a native speaker living in a given city. The image of the collective Ufa is reconstructed through associative experiments, analysis of speech genres and field recordings of the authors. Three dominant images of Ufa in linguistic consciousness (merchant, national, megapolis) are revealed, the mechanisms of informal nomination of urban objects (oikodonyms, monumentonyms, ergonyms) are described, as well as the role of Turkisms in Russian colloquial speech as markers of ingroup identity and politeness strategy. It is noted that the linguistic consciousness of Ufa residents captures not only the objective characteristics of the city, but also deeply personal, emotional, and often contradictory images. Associative experiments reveal latent social conflicts. Urban folklore (legends, anecdotes, proverbs, slang) is the “cultural unconscious” of the city, preserving historical memory, transmitting values, forming identity, and at the same time giving vent to aggression, fears, and irony. A study of Ufa logos has shown that effective logos appeal to archetypes, ancient images stored in the collective unconscious.

Keywords: linguistic urban studies, urban text, polyethnic city, Ufa, collective citizen, creolized text, variable Russian, Turkisms, urban myths

For citation: Yakovleva, E.A., 2026, Linguistic urban studies of Ufa: a comprehensive analysis of the urban text of a multiethnic metropolis, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 214–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.19>

Введение

*Наш город полу-азиатский,
Две веры крепко в нём слились.
Крест православный христианский
И полумесяц смотрят ввысь.
Светлана Смирнова*

Город – это сложное обитаемое пространство. Понятие «город» напрямую связано с процессом человеческой цивилизации (слово *город* включает древние смыслы ‘огородить’, ‘ограда’, ‘забор’, ‘огороженный участок земли’ и встречается в различных фонетических вариантах во всех индоевропейских языках). На Руси всегда было много городов, недаром варяги называли ее «Градарика» – мать городов.

В словарных статьях, посвященных слову *город*, можно найти три базовых смысловых компонента: 1) город как территориально-административное образование; 2) деловой центр; 3) люди, проживающие в нем. Первый смысл – *место*, связан с пространством города, его улицами, площадями, парками, памятниками, театрами, жилыми домами, магазинами и пр. Отсюда и определения – *столичный, уездный, крупный, небольшой*. Элементы пространства

создают неповторимое лицо города, и именно поэтому архитектурный облик становится его своеобразной визитной карточкой. Потеря «лица» городом, как это, к сожалению, происходит сейчас в Уфе, теряющей деревянные ожерелья старинных улиц с «бусинами-домами», нужно считать невосполнимой потерей.

Второй план образуют культурные особенности города – традиции, менталитет, достопримечательности, с чем связаны, к примеру, такие понятия, как «Петербург Достоевского», «грибоедовская Москва», «курский соловей», «одесский юмор». В последнее время городской «патриотизм» неизмеримо возрос, и жители бьются за «фирменный знак» своего города. Например, маленький город Мышкин стал широко известен, благодаря своим музеям, где собраны тысячи различных предметов, связанных с «мышьиной» тематикой и валенками.

Наконец, третий смысл – это люди, которые живут в городе: отсюда и названия – москвичи, питерцы, вятчи, нижегородцы, рязанцы, челябинцы, уфимцы. Ревниво относясь к своему городу, в старые времена соседи, подначивая друг друга, сочиняли дразнилки: «пензяки толстопятые», «архангельские трескоеды», «у нас в Вятке ребята хватки: семеро одного не боимся» и пр. Про Уфу известны стародавние выражения «чертова чернильница», «Деньги есть – Уфа гуляем, деньги нет – Чижма сидим» и др. Горожане на протяжении столетий творят культурный облик города, его обычаи и традиции. Городская речь изобилует любимыми местными словечками: «фрамуга» (форточка), «вставочка» (ручка), «поробрик» (бордюр), «Лягушатник», «Сайгон» – известные кафе (Санкт-Петербург); «Пампуша» – памятник А.С. Пушкину на «Твербуле» – Тверском бульваре, «Букашка» – троллейбус «Б», «Аннушка» – трамвай «А» (Москва); «гешефт» – дело, бизнес, «кинуть брови на лоб» – удивиться, «мастер» – капитан судна (Одесса); «синенькие» – баклажаны, «Лебердон» – левый берег Дона (Ростов-на-Дону); «Глина» – улица Глинки (Великие Луки); «Конюшня» – автобусная остановка «Ипподром» (Псков).

XXI век – век городов. К 2050 г. в городах будет проживать две трети мирового населения. В этих условиях город перестает быть просто точкой на карте и становится сложнейшим семиотическим, коммуникативным и культурным организмом. Лингвистическое градоведение – уже сложившаяся филологическая дисциплина, которая изучает язык города как особую знаковую систему.

Уфа – уникальный объект для лингвистического анализа, население которого приближается к 1,2 млн человек. Расположенная на стыке Европы и Азии, столица Башкортостана на протяжении более чем 450 лет является местом активного взаимодействия славянских (русский, украинский, белорусский), тюркских (башкирский, татарский, чувашский) и финно-угорских (марийский, мордовский, удмуртский) языков. Эта языковая полифония, дополненная мощным пластом советского наследия и современными глобализационными процессами, порождает уникальный, не похожий ни на московский, ни на петербургский, ни на екатеринбургский или томский, ни на какой иной урботекст.

В университетской Уфе изучение языка города – это традиция. Достаточно сказать об объемных картотеках, описывающих живую речь уфимцев более 40 лет (архивы проф. Л.Л. Аюповой и проф. Е.А. Яковлевой¹, далее – АА, АЯ) [АА; АЯ; Аюпова, 1994; Яковлева, 2020], о шести диссертациях, связанных с градоведением, о значительном числе дипломных и курсовых работ, статей, в которых, начиная с 80-х гг., отражен меняющийся в языковом плане портрет Уфы [Яковлева 2007].

Теоретические основания: как изучать язык города

Начальное изучение городской речи как одной из центральных проблем языкознания в России зародилось более ста лет тому назад. Богатство и разнообразие стихий языка города отмечал профессор Б.А. Ларин: «В лингвистической истории большого города имеет место столкновение и скрещение разнообразных типов культур» [Ларин, 1977: 23; Анциферов, 1991].

Оценив высокую значимость городов в постижении исторического прошлого страны, градоведением (в частности краеведением) занимался в начале XX века профессор И.М. Гревс. Предлагая «экскурсионный метод» обучения истории, а на самом деле изучения «гения места», или «образа города» («души города»), он отмечал: «Города – это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов... Город – центр в одно время культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города – прекраснейший путеводитель ее хода и судеб» [Гревс, 1921: 24].

¹ Е.А. Яковлева – автор научного направления – инициатор создания лаборатории «Служба русского языка» (2002–2011), которая стала «коллективным пропагандистом» культуры русской речи для всей многонациональной Уфы. В 2007–2011 гг. – научный консультант и соавтор программ ГТРК «Башкортостан» «Говорим по-русски» и «Живое слово», которые неоднократно становились призерами различных конкурсов – Болдино, 2008; Ясная поляна, 2009; Администрация Уфы, 2009; Бал-прессы, 2010.

Уже в наши дни обратился к образу города и «реальному горожанину» исследователь С.П. Гурин: «Реальность горожанина – это символическая реальность. Труд горожанина – это, прежде всего, работа с символами. Город – это место, где преобладает символическая деятельность: мифология, религия, идеология, искусство, кино, реклама, виртуальная реальность. Символическая деятельность – то есть опосредованная деятельность с реальными вещами, когда сами вещи становятся необязательными – оказывается на удивление эффективной» [Гурин, 2003: 10–17].

Таким образом, градоведение отнюдь не новая наука, а сложившаяся область современной лингвистики, связанная, в частности, с такими ее составляющими, как социолингвистика, фольклористика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, ономастика, краеведение и др. Значительные наработки по градоведению (или урбанологии) существуют у ученых Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Казани, Перми, Омска, Челябинска, Владивостока, Уфы и множества других городов [Голомидова, 2022; Китайгородская, Розанова, 2010; Колесов, 1991; Красных, 2012].

Ключевым вкладом уфимской научной школы, во многом сформированной нами и нашими учениками в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы, стала разработка коммуникативной модели, позволяющей системно описать феномен городского языка. Эта модель, опирающаяся на хрестоматийную формулу Аристотеля («Речь слагается из трёх элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается»), выглядит следующим образом: «город – урботекст – коллективный горожанин» [Яковлева, 1996].

Что это означает на практике?

Во-первых, город в этой модели – не пассивная среда обитания, а активный субъект коммуникации. Город «разговаривает» со своими жителями на особом языке через архитектуру, памятники, названия улиц, городские легенды и мифы и даже ресторанное меню. В.Н. Топоров в этом ключе описывал «петербургский текст», Ю.М. Лотман рассуждал о специфической городской семиосфере [Топоров, 1984; Лотман, 1984; 1993].

Описывая город, исследователи не забывали и о наглядном, зрительном и одновременно эмоциональном восприятии города (например, вид Москвы с Воробьевых гор, на Владимир с соседних холмов, вид на Петрозаводск из-за озера, вид из-за реки (все волжские города), боковые виды с набережных (в Ярославле, Нижнем Новгороде). В этом плане И.М. Гревс использовал английское понятие *skyline*, то есть «очертание на фоне неба, линия схождения неба и гор, неба и домов; вернее, линия, прочерченная горами или рядом домов по небу. Но это и линия города на фоне неба...». «*Thameside skyline*», или «силуэтная линия домов по Темзе», дающая «чудные «фасы» и «профили», полные своеобразной жизни, прелести и значительности; они раздвинут перспективы для уразумения «психического облика» изучаемого, часто таинственного и сложного чувства [Гревс, 1921].

Расположенная на семи холмах, в окружении трех рек, тяготея к возвышенности, Уфа демонстрирует собственное «лицо», «голос», уникальный «*skyline*», являя универсальный образ в культуре, выражающий вертикальную открытость городского пространства, устремленность в небо, пронизанность «божественными чудотворящими энергиями». Особенность Уфы в том, заметил главный архитектор Уфы Руслан Хайруллин, что хотя у города нет готового «открыточного» силуэта, как у Казани или Нижнего, зато есть длинные панорамы, неожиданные виды с высоты, резкие перепады масштаба. «Ты можешь идти по обычной улице – и вдруг открывается вид на Белую, который по драматургии не уступает европейским городам на реках» [<https://vedomosti102.ru/>]. И действительно, архитектурно-градостроительная история Уфы заслуживает пристального внимания специалистов, так как, по мнению уральских исследователей, она «обладает наиболее крупными по величине историко-архитектурными ресурсами среди городов Урала, уникальной планировкой и архитектурой, не имеющей аналогов в регионах России. Дорегулярная радиально-кольцевая система улиц и доминант города уникальна на Урале» [Семенова, 1998]. Уфа меняется ежегодно. В перспективе она масштабируется в *Забелье* и *Зауфимье*.

Во-вторых, урботекст – это совокупность всех речевых произведений, порождаемых городом. Сюда входят и официальные названия учреждений, вузов, улиц и площадей, памятников и пр. (газетонимы, годонимы, прагматонимы, эргонимы и др.), и неофициальная сленговая номинация (как жители называют свой район), и уличные объявления, перешедшие сегодня в сферу компьютерного онлайн, вывески и рекламные баннеры, и городской фольклор (легенды, анекдоты, пословицы), и живая разговорная речь – спонтанная, неподготовленная, эмоциональная, часто нарушающая нормы, но именно поэтому максимально живая [Емельянова, 2007; Исламова 2009; Королева, 2022; Файзуллина, 2009; Яковлева, 2009, 2011, 2019]

В-третьих, «коллективный горожанин» представляет собой интегральный образ носителя языка, живущего в данном городе. Это не абстрактный homo loquens («человек говорящий»), а конкретный уфимец, который знает поговорку «Уфа – чертова чернильница», а в разговоре с соседом-башкиром вставит слово «рахмат» вместо «спасибо», согласится, что «Сипайлово» – это «Сипа», а «Черниковка» – «Черняга», помнит легендарного «дядю Мишу» (в честь него было выпущено мороженое), который много лет продавал мороженое возле «Детского мира». Образ коллективного уфимца реконструируется через ассоциативные эксперименты, анализ речевых жанров и полевые записи [АА; АЯ; Вахитов, 2003; Яковлева, 2019].

Языковой ландшафт: три лика Уфы

Анализ ономастического пространства Уфы (тысячи названий официальных учреждений, промышленных объектов, образовательных учреждений, улиц, транспортных остановок, магазинов, ресторанов, кафе, жилых комплексов, газет) позволил исследователям выделить несколько доминантных образов, которые иногда конкурируют, сосуществуют и взаимодействуют в сознании горожан и в городском тексте.

Образ первый: Уфа купеческая, или губернская

Этот образ уходит корнями в XVIII–XIX в., когда Уфа была типичным губернским городом с деревянной застройкой, усадебным бытом и провинциальным укладом. В настоящее время в Уфе утверждена общая концепция реконструкции под названием «Возвращение к истокам», в рамках которой определены так называемые гостевые улицы, которые являются визитной карточкой нашего города, типа уфимский Арбат. В современном урботексте исторический образ поддерживается несколькими способами, в частности, *годонимами*. На сегодняшний день в городе насчитывается 1609 улиц, но старые почти не сохранились – всего около 20 единиц: *Казарез, Казацкий переулок, Усольская, Калашная, Верхнеторговая площадь*. Старинные названия улиц *Тюремная (Достоевского)* и *Жандармская (Крупской)* вспоминаются потому, что на них был расположен дом с мезонином, в котором в начале XX в. проводила ссылку Н.К. Крупская и где с 1941 г. располагается музей В.И. Ленина. Трансформацию старых названий можно проиллюстрировать длинной цепочкой переименований центральной улицы Уфы – *Базилевская / Лазаретная – Центральная – Ленина*. Кроме того, губернская Уфа напоминает о себе, конечно, оставшимися домами, за которыми, к сожалению, городские власти мало следят: здания *Уфимской Губернской управы, Дворянского собрания, особняк Демидова, Покровская церковь, Спасский храм, Дом губернатора*, исторический квартал в центре Уфы (*дом-особняк Поносовой-Малло, доходный дом Видинеева, усадьба Коншиной с гостиницей «Эрмитаж», дома Берга и Талова* и др.) [Яковлева, 2024].

Образ второй: Уфа национальная (башкирская)

Это самый яркий маркер идентичности, отличающий Уфу от других российских городов. Он реализуется через активное использование башкирского языка, национальной символики, тюркской мифологии.

На вербальном уровне это проявляется в *билингвальности* городского ландшафта. Все вывески, названия остановок, информационные таблички дублируются на русском и башкирском языках. Иногда это порождает забавные эффекты: знаменитое «ӨФӨ» (три буквы, похожие на шурупы или гаечные ключи) стало городским мемом – Уфу в шутку называют «*городом трех шурупов*» или «*трех болтов*».

Тюркская лексика (или ориентализмы), представляющая собой значительный пласт алтайской группы тюркских языков (вошедших через башкирский, татарский и другие языки), широко представлена в топонимах, названиях учреждений, улиц, строений, религиозных праздников, продуктов и пр., исследованных в упоминаемых нами диссертационных сочинениях уфимцев. Названия улиц – *Давлеткильдеева, Даяна Мурзина, Гафури, Мустая Карима, Магафура Хисматуллина, Хадии Давлетшиной* и др. «*Азык-түлек*» – ресторан башкирской кухни (переводится как «продукты, продовольствие»; существует городская легенда, что московские бизнесмены приняли эту надпись за имя владельца всех продуктовых магазинов); «*Карматай*» (дедушка), «*Анай*» (тетя) – названия кафе. «*Край курая*» (курай – башкирский национальный инструмент) – молочная продукция, «*Капова пещера*» (знаменитый спелеологический объект) – бальзам.

На невербальном уровне национальный образ поддерживается *архитектурой* и *дизайном*. *Первая соборная мечеть*, мечеть «*Ляля-Тюльпан*», памятник *Салавату Юлаеву* (символ города), ипподром «*Акбузат*», *Ледовый дворец спорта «Салават Юлаев*», фонтан «*Семь девушек*», орнаментальные мотивы на зданиях (*ромб, кускар* – спиралевидные завитки) – все это формирует неповторимый визуальный код.

Интересно, что национальный образ активно используется в ресторанном *дискурсе*. Интерьеры заведений башкирской кухни украшают гобелены с изображением охоты, юрты, национальные костюмы. В меню – *бишбармак, казы, кумыс, чак-чак, кызыл эремсек*. Названия блюд становятся собственными именами: салат «*Хылыукай*» (девушка), мясная тарелка «*Дары Урала*». Таким образом, еда превращается в текст, рассказывающий историю народа [Яковлева, Исмагилова, 2020; Файзуллина, 2009].

Образ третий: Уфа–мегаполис (локализованный)

Статус города-миллионника, проведение саммитов ШОС и БРИКС (2015 г.), развитие экономики – все это формирует третий образ: современный, динамичный, устремленный в будущее [Линч, 1982; Нигматуллина, 2007; Яковлева, 2004; Yakovleva, Akhmetova, 2019, Исмагилова, 2022].

Этот образ проявляется в засилье англицизмов и гибридных названий, с которыми в России начали бороться: *Holiday Inn Ufa, Hilton Garden Inn Ufa Riverside, Конгресс-холл Республики Башкортостан*, жилые комплексы: «*Edison*», «*Smart Plaza*», «*ULTRA*», «*IDEL'TOWER*» (башкирское «идель» – река + английское «tower» – башня). Торговые центры: «*Gallery ART*», «*Планета*» (уже без перевода). Кафе и рестораны: «*PrestoMia*», «*Harat's Irish Pub*», «*Sinatra*» (караоке-клуб). «*Арт-квадрат*» – новое креативное пространство в центре города.

Архитектурно этот образ воплощен в зданиях из стекла и бетона: *Конгресс-холл «Торатау»* в стиле хай-тек (хотя и с национальными орнаментами), бизнес-центр «*Уралсиб*» (в народе – «*Пейзанская башня*», «*Зажигалка*», «*Мобильник*»), жилой комплекс «*Аристократ*», уникальный *Дворец борьбы*, небоскребы на проспекте Октября.

Однако психолингвистические эксперименты показывают, что восприятие этого образа неоднозначно. Молодежь ценит престиж и современность. Старшее поколение и некоторые группы студентов воспринимают глобализованную Уфу как «чужую», «не-Москву», «дыру» (в прямом смысле слова – ассоциативная реакция «дыра» зафиксирована в экспериментах). Гибридное название «*IDEL'TOWER*» не вызвало у испытуемых ассоциаций с башкирской культурой, несмотря на компонент «идель» – оно было воспринято как инородное, чужое. Психолингвистический эксперимент [Исмагилова, 2022; Матвеева, 2010] показал, что такие гибриды вызывают противоречивые ассоциации: у молодежи – престиж и современность, у старшего поколения – «инородность» и разрыв с традицией. В данном разделе мы опускаем портрет «*Уфа советская*», который также нами описан.

Живая речь: как говорят уфимцы

Ономастика – это, образно говоря, «парадный костюм» города. Но есть и «повседневная одежда» – живая разговорная речь, в которой проявляются все особенности многонационального уфимского сообщества [АА; АЯ; Яковлева, 2019].

Молодежная сленговая номинация [Васильева, Никитина, Роголёва, 2024; Вахитов, 2003] создает параллельный, игровой и часто сниженный образ города. Выделяются следующие механизмы:

– **метафоризация по форме:** «*Свечка*» (высотное здание), «*Китайская стена*», «*Корабль*», (длинный дом), «*Шайба*» (круглое здание ТЦ), «*Зажигалка*», «*Мобильник*» (здание банка «Уралсиб»);

– **пародийные монументонимы:** «*Без пяти семь*» (скульптура, посвященная героям Октябрьской революции и Гражданской войны), «*Чупа-чупс*» (первый в СССР памятник Ленину), «*Всё продай купи курай*» (памятник мальчику-кураисту перед кинотеатром «Искра»);

– актуальный список **лексических сокращений:** «*Зелёнка*» (Зелёная роща – район в Уфе), «*Гостинка*» (Гостинный двор), «*Мирик*» (кинотеатр «Мир»), «*Салаватка*» (проспект Салавата Юлаева), «*Галера*» (ТЦ «Галерея ART»), «*Губаха*» (улица Губайдуллина), «*Машинка*» (Дворец культуры завода УМПО).

Город глазами жителей: ассоциативные портреты Уфы

Психолингвистика дает возможность заглянуть в «черный ящик» языкового сознания. Свободный *ассоциативный эксперимент*, проведенный среди школьников и студентов Уфы (всего опрошено несколько сотен человек), позволил реконструировать образ города, который существует в головах его жителей [Матвеева, 2010; Исмагилова, 2022].

Образ Уфы в целом

На стимул «Уфа» наиболее частотными оказались следующие реакции:

Салават Юлаев (34) – главный символ.

Столица (29) – статус.

Город (26) – родовая идентификация.

Университет (22) – студенческий контекст.

Красивый/красивая (19) – эстетическая оценка.

Белая (18) – река, давшая название.

Грязь (16) – парадоксально, но факт: старая поговорка «*Кто в Уфе не бывал, тот грязи не видал*» жива и сегодня.

Единичные реакции особенно показательны: они выдают индивидуальное, личное, эмоциональное. «*чужой*», «*а жить-то где?*», «*дискриминация*», «*уф!*» (как выдох усталости). Но есть и теплое: «*мама*», «*бабушка*», «*друзья*», «*чак-чак*».

Районы: «*Бандитская Черниковка*» vs. «*Пустыня Сипайлово*»

Особый интерес представляют ассоциации на названия районов. Административное деление (Ленинский, Октябрьский) почти не используется в живой речи. Вместо этого уфимцы говорят: *Черниковка, Сипайлово, Дема, Шакша, Док, Ваз, Зелёная роцца, Затон*.

Черниковка – промышленный северный район. Ассоциации: *далеко, страшно, наркоманы, криминал, грязь, бараки, бандиты, гопники, бомжи*. Одна из реакций – «*черная+земля*» со смайликом. Девушки особенно боятся этого района. Однако есть и позитив: «*я люблю этот район*», «*родные улицы*», «*парк Победы*», «*нефтяной университет*» (УГНТУ). Старожилы Черниковки вспоминают, как район был отдельным городом Черниковском, как сюда эвакуировали из г. Рыбинска, Ленинграда и др. заводы в войну (отсюда «*рыбинские – оценочная характеристика приезжих*»), как жили в землянках, и не произносят ни одного плохого слова.

Сипайлово – спальный район. Ассоциации: *Кашкадан (озеро), Макдоналдс, Сипуха, пробки, трудно уехать, пустыня, уфимская Сахара, каменные джунгли*. Ирония в том, что район построен на песке, и растительности там действительно, мало.

Зелёная роцца – престижный район, «уфимский центр». Ассоциации: «*Конди*» (кондитерская фабрика), *чайная фабрика, санаторий, чистота, озеленённый*.

Таким образом, в сознании горожан за каждым районом закреплён устойчивый образ, который влияет на самооценку жителей и на их восприятие «чужаков» из других районов. Это пример того, как городское пространство социально конструируется через язык, как иногда происходит *социальная стигматизация локуса*, то есть навешивание социальных ярлыков. Так, ассоциативный эксперимент показал, что у респондентов *Черниковка* ассоциируется со страхом, криминалом и грязью, в то время как у старожилов – с заводской славой и «малой родиной».

Вузы: «*Педики*», «*Мажоры*» и «*Лётчики*» [Матвеева, 2010; данные блогов]. Студенческая среда – один из самых активных генераторов сленга. Ассоциативный эксперимент на названия вузов выявил яркие, часто ироничные, а иногда и агрессивные номинации.

БГПУ (педагогический университет) – «*педики*», «*училки*», «*Педицинский университет*», «*Багапушка*». Сами студенты, впрочем, называют свой вуз «*нечто родное*», «*реал бест университети*», «*девчата* ☺».

УГНТУ (нефтяной технический университет) – «*мажоры*», «*богатенькие Буратинки*», «*коррупция*», «*керосинка*», «*мазутка*», «*Мазут академия*». Студент нефтяного – это статус и деньги.

УГАТУ (авиационный технический университет) – «*летучка*», «*авиашка*», «*крылья Родины*», «*аэродром*», студенты – «*гагаринцы*», «*лётчики-залётчики*», «*птички*», «*летучие мыши*».

БГАУ (аграрный университет) – безжалостное «*колхоз*», «*навозники*», «*доярки*», «*сельхоз-навоз*».

УУНиТ (Уфимский университет науки и технологий), созданный в 2022 г. путем объединения Башкирского государственного университета (БашГУ) и Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ), начал свою жизнь в уфимском дискурсе под прозвищем «*унитаз*».

Эти номинации – не просто грубость. Они выполняют важную социальную функцию: маркируют иерархию, распределяют статусы, выражают эмоции (согласие и протест), закрепляют стереотипы («*все нефтяники – мажоры*», «*все педагоги – девушки*»).

Важно отметить, что эти три образа – не просто статичные «картинки». Они находятся в постоянном диалоге и конфликте, который ярко проявляется в языковом сознании горожан. Столкновение «*купеческой*» (ностальгия), «*национальной*» (идентичность) и «*глобальной*» (модернизация) Уфы (сюда же входит и образ «*Уфа советская*») порождает основную оппозицию «*своего*» и «*чужого*». Выбор конкретной номинации для городского объекта (будь то официальное название улицы или сленговое прозвище) становится актом самоидентификации.

Тюркизмы в русской речи

Одна из самых ярких черт уфимского варианта русского языка – активное использование тюркской лексики. Исследователи выделяют две группы тюркизмов. Первая – слова, не имеющие русских соответствий: *бишбармак, кумыс, сабантуй, чак-чак*. Они давно ассимилированы и

воспринимаются как свои. Вторая – слова, имеющие русские синонимы, но используемые для достижения определенного коммуникативного эффекта: *мин* (я), *син* (ты), *апа* (тетя), *бабай* (дед), *акча* (деньги), *рахмат* (спасибо), *хайван* (скотина), *аптраган* (ужас), *барабир* (все равно, безразлично).

С какой целью русскоязычный уфимец вставляет в речь тюркизмы? Анализ речевых жанров показывает, что это не случайные оговорки, а осознанные риторические стратегии.

Речевой жанр приветствия и благодарности. Употребление «*салам*», «*рахмат*», «*зур рахмат*» (большое спасибо) при обращении к тюркоязычному собеседнику – это не просто вежливость. Это сигнал: «я свой», «я уважаю твою культуру», «мы говорим на одном языке». Этот вербальный жест часто сопровождается пожатием руки двумя руками – особая форма приветствия у тюркских народов.

Речевой жанр просьбы. Просьба ставит говорящего в зависимое положение. Используя тюркское слово, говорящий как бы «шифрует» просьбу: «*Ой, акча биряле, а то я кошелек дома забыла!*» (Ой, деньги дай...). Если собеседник – русскоязычный, он может сделать вид, что не понял, и отказать, не роняя достоинства просящего. Если собеседник – тюркоязычный, просьба будет выполнена. Тюркизм становится паролем, маркером ингрупповой принадлежности.

Оценочные речевые жанры. Здесь тюркизмы могут выполнять противоположные функции. Они могут смягчать негативную оценку: «*Ну ты и хайван!*» звучит менее оскорбительно, чем «*скотина*». Или, наоборот, заострять её: «*Что ты вырядилась, как апайка*» (немодно, безвкусно).

Языковая игра. Уфимцы любят создавать макаронизмы – гибридные слова и фразы, построенные на смешении языков. Вот несколько примеров из полевых записей:

«*Мин син яратам, приходи к воротам*» (я тебя люблю).

«*Колотун-бабай*» – Дед Мороз.

«*Гуталин-малай*» – негр.

«*Кошмар-апа*» – Баба-Яга.

«*Ишак-матрас*» – зебра (по окраске).

Шутки, построенные на имитации акцента, также входят в уфимский фольклор:

– *Наш Пелепей (Белебей) портовый корот (город).*

– *Почему?*

– *А там кърабли (грабли) делают!*

Таким образом, тюркизмы в уфимской речи – это не «засорение языка», а живой, творческий инструмент, позволяющий горожанам эффективно общаться в полиэтничной среде, демонстрировать уважение, смягчать конфликты и просто шутить [Яковлева 2004; 2007; 2009; 2019].

Городские легенды: мифотворчество на улицах Уфы

Образ Уфы (как и других городов) в настоящее время находит свое отображение в литературе, живописи, музыке, кинематографе, театре. Совокупность данных разнообразных отражений формирует, по словам Ю.М. Лотмана, «некую модель», удобную для исследовательских построений [Лотман 1993: 85].

Городской фольклор – это та невидимая ткань, которая соединяет прошлое с настоящим и придает городскому пространству сакральный смысл. Уфимские легенды можно разделить на несколько типов.

«Этимологические» легенды объясняют происхождение названия города. Самая популярная связана с междометием «*уф*». Старый дед карабкается на гору, тяжело дышит: «*Уф!*». Следом лезет глухая бабка, переспрашивает: «*А?*». Люди на горе, строившие крепость, складывают эти звуки – и получается «*Уфа*». Другая легенда: воевода спрашивает у местных, как называется река, показывая на рыбака по имени Ефимка. Те отвечают: «*Ефимка*». Воевода расслышал «*Уфимка*» – так появился топоним.

«Страшные» легенды связаны с карстовыми породами, на которых стоит Уфа. Одна из легенд объясняет, почему в городе нет метро. Давно мальчик пробрался в пещеры на берегу Уфимки, ходил под землей три дня, а вернулся седым. Он рассказывал о крысах размером с куницу (куница – символ города на гербе), о стальных лабораториях и древних росписях. Его заперли в психбольнице, где он умер. Его друзья, повзрослев, стали большими начальниками и, поверив ему, запретили строить метро. Легенда дидактична: слушайся старших, не лазай в пещеры.

Другая легенда – об озере *Тёплом* в районе *Инорс*. На дне живет сом-убийца длиной шесть метров, который засасывает купальщиков целиком, поэтому на дне не находят ни косточек, ни одежды.

Особое место в уфимской мифологии занимает *Новоалександровка* – заброшенный поселок, «город-призрак». Когда-то там жили 45 тысяч человек. После выселения жителей за санитарную

зону нефтезаводов поселок опустел. О нем ходят жуткие легенды: о призраках, о детских плачах, о больнице-«абортарии», где в советское время нелегально прерывали беременности, а жертв закапывали в лесу. Стены полуразрушенной лечебницы, по слухам, исписаны призывами нерождённых детей: «Мама, мне страшно», «Дети мстят».

Легенда о Гостином дворе – о купце-призраке, который охраняет старые стены. В период разрухи мальчишки видели странный силуэт. Во время реконструкции рабочий видел фигуру в кафтане и высокой шапке, замахивающуюся кнутом. Легенда призывает не разрушать старинные здания.

Семиотика города: логотипы и реклама как текст

Как мы отмечали, город говорит не только словами, но и образами. Логотипы предприятий, вывески, рекламные баннеры – все это креолизованные тексты, в которых вербальное и невербальное неразрывно слиты. Исследование уфимских логотипов [Ахметова, 2020] показало, что эффективные логотипы апеллируют к архетипам – древним образам, хранящимся в коллективном бессознательном. В башкирской культуре такими архетипами являются *тамга* (родовое клеймо) и *орнамент*.

Примеры:

Логотип футбольного клуба «Уфа» построен на башкирском написании «ӨФӨ» и солярном знаке с двенадцатью лучами (12 богов в башкирской мифологии).

Логотип компании «ЭКО-УФА» использует образ зеленого листа на фоне планеты – символ экологии, подкрепленный фактом: Уфа признана самым зеленым городом-миллионником России (202 м² зелени на жителя).

Логотип гостиницы «Уфа-Астория» использует старинный вензель, отсылающий к дореволюционной истории здания (доходные дома купца Зайкова, 1895 год).

Логотип телевидения «Вся Уфа» прошел путь от абстрактного голубя мира до регионального дизайнера с использованием башкирской айдентики.

Цвет в уфимской рекламе также несёт смысловую нагрузку. *Красный* – цвет победы, жизненной силы, защиты от зла (в башкирской традиции детей перевязывали красной ниткой). *Зелёный* – цвет свободы, вечности жизни, природы и мусульманской религии. *Синий* – цвет добродетели и чистоты помыслов (все три цвета – флага Республики Башкортостан).

Уличные объявления и интернет-коммуникация: новые речевые жанры

Традиционный речевой жанр уличного объявления [Исламова, 2009] сегодня трансформируется под влиянием интернета. Уличные объявления уступают место объявлениям онлайн, которые исследователи называют «бизнес-клипами».

Что такое бизнес-клип? Это короткое, информационно плотное сообщение, рассчитанное на *клиповое мышление* современного человека. Клиповое мышление – это восприятие мира через мозаику разрозненных фактов, которые быстро сменяют друг друга. Интернет-объявление – это «одноразовая реакция» на раздражитель, мгновенный ответ.

Анализ более 1000 интернет-объявлений Уфы позволил выделить ключевые концепты, волнующие горожан:

Рынок – гиперконцепт, включающий куплю-продажу всего: недвижимости, продуктов, техники, одежды, работы.

Работа – широкий спектр: от IT и нефтянки до работы без квалификации.

Деньги – объявления типа «деньги сразу», «деньги за час», «нужны деньги – вот возьми».

Красота и здоровье – здесь фиксируется проникновение сложной терминологии в быденную речь: *пилинг, персинг, кератин, су джок, небулайзер, целлюлит*.

Спорт – айкидо, верховая езда, фитнес, сплавы по реке Ай.

Знакомство – брачные агентства, женские клубы («Талисман Любви»).

Чтение – но, что характерно, жители предпочитают «клиповое» чтение: детективы, любовные романы, глянец, а не «объемную классику».

Город предстает в этих объявлениях прежде всего как *рыночное пространство*, а отношения между людьми сводятся к ситуации сделки, купли-продажи [Исламова, Яковлева, 2013].

Заключение

Лингвистическое градоведение Уфы – это не кабинетная наука, а живое, постоянно развивающееся направление. Исследования, проводимые в нашем городе, позволяют сделать следующие выводы.

1. **Уфа как текст – это сложное, многослойное, семиотически насыщенное образование.** В нем переплетаются три основных дискурса: губернский (ностальгический), национальный (башкирский) и глобализованный (мегаполисный). Они не исключают, а дополняют друг друга, создавая уникальный **урботекст**.

2. **Коммуникативная модель «город – урботекст – коллективный горожанин»** доказала свою эвристическую ценность. Она позволяет изучать город не как мертвый фон, а как активного субъекта диалога, а горожанина – как интегральный образ, формируемый языком и формирующий язык. Именно с этим связана актуализация ключевых смыслов столицы Башкортостана.

3. **Русский язык в Уфе – это вариативный русский (*Vernacular Russian*).** «В живой речи, – как отмечал А.Ф. Лосев в своей книге «Диалектика мифа», – всегда присутствует стихия особого качества; здесь нет срединности, умеренности, скованности; есть порыв, богатство и грубость, точность чувств, колорит и юмор, сатира и сарказм; никогда нет канцелярщины, схематичности, безразличия, плоскости; но всегда: индивидуальность, страстность, объемность, свет и тень, сладость видения, перспектива и выразительность». Кроме того, он характеризуется активным использованием тюркизмов, которые выполняют функции контактоустанавливающие, эвфемистические, оценочные и игровые. Тюркизмы – не «сорняки», а стратегический ресурс коммуникации в полиэтничной среде.

Феномен тюркизмов в уфимской речи наглядно демонстрирует стратегии включения/исключения. Употребляя «*рахмат*» или «*айда*», русскоязычный житель сознательно выбирает «свой» код в диалоге с тюркоязычным собеседником, становясь «ингрупповым». Напротив, гипертрофированное использование англицизмов или пренебрежительные маркеры вроде «*апайка*» сигнализируют о дистанции и отторжении «чужого».

4. **Языковое сознание уфимцев** фиксирует не только объективные характеристики города (*столица, Агидель (река Белая), памятник Салавату Юлаеву*), но и глубоко личные, эмоциональные, часто противоречивые образы (*грязь – красота, родной/свой – чужой, страх – любовь*). Ассоциативные эксперименты вскрывают латентные социальные конфликты (между районами, между поколениями, между «коренными» и «приезжими»).

5. **Городской фольклор (легенды, анекдоты, пословицы, сленг)** является «культурным бессознательным» города. Он сохраняет историческую память, транслирует ценности, формирует идентичность и в то же время – дает выход агрессии, страхам, иронии.

Перспективы дальнейших исследований связаны с созданием **Ассоциативного словаря символов Республики Башкортостан** (проект А.Ф. Исмагиловой), с мониторингом языковых изменений в цифровой среде, с изучением «спасённого субстрата» – исчезающих диалектизм и профессиональной лексики уфимских заводов.

Уфа продолжает говорить. Задача лингвиста – услышать, записать, понять и объяснить, как живёт и дышит этот удивительный, противоречивый, многоголосый город на семи холмах, между Белой и Уфимкой, на перекрёстке Европы и Азии.

Список сокращений

- АА – архив проф. Л.Л. Аюповой
АЯ – архив проф. Е.А. Яковлевой
ВКР – выпускные квалификационные работы

Источники и материалы

Архив проф. Е.А. Яковлевой (материалы интернет-коммуникации – фиксации неофициальных урбанонимов в блогосфере, постах пользователей социальных сетей, в материалах интернет-форумов, чатов, мессенджеров (2000–2024 гг.)).

Архив проф. Л.Л. Аюповой (записи живой разговорной речи молодежи, сделанные в Уфе в 1974–2010 гг.).

Гревс, И.М., 1921. Город как предмет краеведения, *Экскурсионное дело*. № 1, с. 24.

Матвеева, Т.И., 2010. Уфа в зеркале своего языка. Каф. общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы. Хранение. Архив ВКР.

Мельникова, В.А., 2005. Транспортный дискурс Уфы как разновидность профессионального дискурса. Каф. общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы. Хранение. Архив ВКР.

Смышляева, К.В., 2010. Названия газет и журналов Республики Башкортостан: психолингвистический аспект анализа. Каф. общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы. Хранение. Архив ВКР.

Список литературы

- Анциферов, Н.П., 1991. *Непостижимый город...* СПб.: Лениздат, 335 с.
- Ахметова, А.Р., 2019. Ассоциативное поле топонима Уфа, *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*, т. 8, № 5, с. 32–37.
- Ахметова, А.Р., 2020. Городские интернет-мемы: лингвокультурологический аспект (на примере г. Уфы), *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, № 1, с. 102–111. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-102-111>
- Ахметова, А.Р., 2022. *Актуализация смыслового потенциала топонима Уфа в полидискурсивном пространстве города*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 23 с.
- Аюпова, Л.Л., 1994. *Лексика народов Башкортостана в русской речи (гlossарий)*. Уфа: Изд-во БГУ, 100 с.
- Васильева, К.В., Никитина, Т.Г., Рогалева, Е.И., 2024. Дизайн городской среды в молодежной сленговой интерпретации: лингвоаксиологический и лексикографический аспекты, *Научный диалог*, т. 13, № 4, с. 32–50.
- Вахитов, С.В., 2003. *Словарь уфимского сленга*. Уфа: Вагант, 230 с.
- Голомидова, М.В., 2022. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы, *Вопросы ономастики*, т. 19, № 1, с. 160–179. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/110666/1/vopon_2022_1_08.pdf (дата обращения: 03.04.2026)
- Гурин, С.П., 2003. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты, *Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Материалы Междунар. науч.-практич. конф.* Саратов: Изд-во СГУ, с. 10–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44592380> (дата обращения: 03.04.2026)
- Емельянова, А.М., 2007. *Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 24 с.
- Исламова, И.Ф., 2009. *Уличное объявление как речевой жанр: на примере уличных объявлений города Уфы*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 24 с.
- Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н., 2010. *Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы*. М.: Языки славянских культур, 496 с.
- Колесов, В.В., 1991. *Язык города*. М.: Высшая школа, 192 с.
- Красных, В.В., 2012. Современный большой город как перекресток миров (виртуальное vs. реальное, вербальное vs. невербальное, «свое» vs. «чужое»), *Полифония большого города: сб. науч. ст.*, под ред. Л.М. Терентия, В.В. Красных, А.В. Кириловой. М.: Изд-во МИИ, с. 75–83.
- Ларин, Б.А., 1977. О лингвистическом изучении города, *История русского языка и общее языкознание (Избранные работы)*. М., с. 175–189.
- Линч, К., 1982. *Образ города*. Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 328 с.
- Лосев, А.Ф., 2001. *Диалектика мифа*. М.: Изд-во Мысль, 558 с.
- Лотман, Ю.М., 1993. *Город и время, Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1)*. СПб.: Эйдос, 315 с.
- Лотман, Ю.М., 2010. *Семиосфера*. СПб.: Искусство–СПб, 704 с.
- Лотман, Ю.М., 1984. Символика Петербурга и проблемы семиотики города, *Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII*. Тарту, с. 30–45.
- Королева, И.А., 2022. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение, *Социолингвистика*, № 3, с. 86–94.
- Нигматуллина, И.В., 2007. Образ города в поэтическом тексте (на материале уфимской поэзии), *Вестник Башкирского университета*, № 1, с. 112–115.
- Семенова, С.Ю., 1998. *Историческое развитие планировки и застройки Уфы (конец XVI в.– начало XX в.)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 23 с.
- Топоров, В.Н., 1984. Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему), *Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII*. Тарту, с. 4–29.
- Файзуллина, И.И., 2009. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка (на примере Уфы). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 24 с.
- Яковлева, Е.А., 1996. «Город» – «Урботекст» – «Коллективный горожанин»: к проблеме составления коммуникативной модели, *Вестник Башкирского университета*, № 2, с. 78–83.
- Яковлева, Е.А. и др., 2007. Риторический аспект изучения различного рода дискурсов, *Антропосфера дискурса: монография*. Уфа: Гилем, с. 177–239.

Яковлева, Е.А., 2009, Лингвистика на службе у города, *Дни русской словесности в Башкортостане*. Уфа: РИЦ БашГУ, с. 46–52.

Яковлева, Е.А., 2011. Город как территория, пространство, текст, образ. *Язык – текст – литература. Коммуникативная парадигма. Сб. статей к 70-летию А.А. Чувакина*. Барнаул: Изд. Алт. Ун-та, с. 352–360.

Яковлева, Е.А., 2019. Лингвистическое градоведение: достижения, проблемы, перспективы (на примере исследования языка полиэтничной Уфы), *Российский гуманитарный журнал*, т. 8, № 6, с. 419–434. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-gradovedenie-dostizheniya-problemy-perspektivu-na-primere-issledovaniya-yazyka-polietnichnoy-ufy/viewer> (дата обращения: 03.04.2026)

Яковлева, Е.А., 2020. Живая речь коллективного уфимца: опыт динамического словаря, *Лексикографические штудии: Международная коллективная монография*, под ред. Н.В. Пятаевой. Рига: ВВКИ, т. 4, с. 304–349.

Яковлева, Е.А., 2024. Города подобны романам: каждая улица – страница, каждое здание – глава, *Шкатовские чтения. Материалы Международной научной конференции*. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, с. 587–596. URL: <https://vk.com/shkatova.conference2024> (дата обращения: 03.04.2026)

Яковлева, Е.А., Исмагилова, А.Ф., 2019. Внешняя реклама строящихся объектов жилой недвижимости в Уфе, *Российский гуманитарный журнал*, № 1, с. 77–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-reklama-stroyaschihsya-obektov-zhiloy-nedvizhimosti-ufy> (дата обращения: 03.04.2026) DOI: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.1.7>

Яковлева, Е.А., Исмагилова, А.Ф., 2020. Уфа как текст: образ национального города на примере ресторанного дискурса башкирской кухни, *Российский гуманитарный журнал*, т. 9, № 5, с. 334–341. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ufa-kak-tekst-obraz-natsionalnogo-goroda-na-primere-restorannogo-diskursa-bashkirskoy-kuhni> (дата обращения: 03.04.2026) <https://doi.org/10.15643/libartrus-2020.5.6>

References

Antsiferov, N.P., 1991, *The incomprehensible city...* Lenizdat, St.Petersburg, 335 p. (In Russ.)

Ahmetova, A.R., 2019, The associative field of the name Ufa, *Research and development. Modern communication science*, vol. 8, no. 5, pp. 32–37. (In Russ.)

Ahmetova, A.R., 2020, Urban Internet memes: linguistic and cultural aspect (on the example of Ufa), *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 1, pp. 102–111. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-102-111> (In Russ.)

Akhmetova, A.R., 2022, *Actualization of the semantic potential of the toponym Ufa in the polydiscursive space of the city*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 23 p. (In Russ.)

Ayupova, L.L., 1994, *Vocabulary of the peoples of Bashkortostan in Russian speech (glossary)*. Bashkir State University publ., Ufa, 100 p. (In Russ.)

Vasilyeva, K.V., Nikitina, T.G., Rogaleva, E.I., 2024, Urban Environment Design in Youth Slang Interpretation: Linguo-Axiological and Lexicographical Aspects, *Nauchnyi dialog*, vol. 13, no. 4, 32–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-4-32-50>

Vakhitov, S.V., 2003, *Dictionary of Ufa slang*. Vagant, Ufa, 230 p. (In Russ.)

Golomidova, M.V., 2022, Urban toponymy as a means of manifesting regional identity: the case of Ufa city, *questions of onomastics*, vol. 19, no. 1, pp. 160–179. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/110666/1/vopon_2022_1_08.pdf (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

Gurin, S.P., 2003, The image of the city in culture: metaphysical and mystical aspects, *cities of the region: cultural and symbolic heritage as a humanitarian resource of the future. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*, Saratov State University publ., Saratov, pp. 10–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44592380> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

Emelyanova, A.M., 2007, *Ergonyms in the linguistic landscape of a multiethnic city (based on the names of business, commercial, cultural, and sports facilities in Ufa)*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 24 p. (In Russ.)

Islamova, I.F., 2009, *Street announcement as a speech genre: on the example of street announcements in the city of Ufa*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 24 p. (In Russ.)

Kitaygorodskaya, M.V., Rozanova, N.N., 2010, *Linguistic existence of a modern city dweller: based on the language of Moscow*. Languages of slavic cultures, Moscow, 496 p. (In Russ.)

Kolesov, V.V., 1991, *Language of the city*. Vysshaya shkola, Moscow, 192 p. (In Russ.)

- Krasnykh, V.V., 2012, The modern big city as a crossroads of worlds (virtual vs. real, verbal vs. non-verbal, “one’s own” vs. “someone else’s”), *Polyphony of the big city: collected scientific articles*, ed. by L.M. Terenty, V.V. Krasnykh, A.V. Kirilina. MIL Publ., Moscow, pp. 75–83. (In Russ.)
- Larin, B.A., 1977, *On the linguistic study of the city, History of the Russian language and general linguistics (selected works)*. Moscow, pp. 175–189. (In Russ.)
- Lynch, K., 1982, *The image of the city*. Translated from English by V.L. Glazychev; comp. by A.V. Ikonnikov; ed. by A.V. Ikonnikov. Strojizdat, Moscow, 328 p. (In Russ.)
- Losev, A.F., 2001, *Dialectics of myth*. Mysl’ publ., Moscow, 558 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M., 1993, City and Time, *Metaphysics of Petersburg (Petersburg readings on theory, history, and philosophy of culture. Issue 1)*. Ejdos, St. Petersburg, 315 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M., 2010, *Semiosphere*. Iskustvo–SPb, St. Petersburg, 704 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M., 1984, Symbolism of St. Petersburg and Problems of the Semiotics of the City, *Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg. Works on Sign Systems of the 18th Century*. Tartu, pp. 30–45. (In Russ.)
- Koroleva, I.A., 2022, Unofficial toponyms in the language of the modern city and their study [online], *Sociolinguistics*, no. 3 (11), pp. 86–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-11-86-94>
- Nigmatullina, I.V., 2007, The image of the city in a poetic text (based on Ufa poetry), *Bulletin of the Bashkir University*, no. 1, pp. 112–115. (In Russ.)
- Semenova, S.Yu., 1998, *Historical development of the planning and development of Ufa (late 16th century – early 20th century)*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Moscow, 23 p. (In Russ.)
- Toporov, V.N., 1984, St. Petersburg and the St. Petersburg Text of Russian Literature (Introduction), *Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg. Works on Sign Systems of the 18th Century*. Tartu, pp. 4–29. (In Russ.)
- Faizullina, I.I., 2009, Onomastic field of pragmatonyms in the modern Russian language (using the example of Ufa). Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 24 p. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 1996, “City” – “Urbotekst” – “Collective citizen”: on the problem of compiling a communicative model, *Bulletin of the Bashkir University*, no. 2, pp. 78–83. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A. et al., 2007, The rhetorical aspect of the study of various kinds of discourses, *Anthroposphere of discourse: Monograph*. Gilem, Ufa, pp. 177–239. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2009, Linguistics in the Service of the City, *Days of Russian Literature in Bashkortostan*. Bashkir State University publ., Ufa, pp. 46–52. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2011, The city as territory, space, text, image, *language – text – literature. Communicative paradigm. Collection of articles for the 70th anniversary of A.A. Chuvakin*. Altai University Publ., Barnaul, pp. 352–360. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2019, Linguistic urban studies: achievements, problems and expectations (on the example of the study of the language of polyethnic Ufa), *Liberal Arts in Russia*, vol. 8, no. 6, pp. 419–434. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-gradovedenie-dostizheniya-problemy-perspektivy-na-primere-issledovaniya-yazyka-polietnichnoy-ufy/viewer> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2020, Living speech of a collective Ufa resident: an attempt at a dynamic dictionary, *Lexicographic studies: international collective monograph*, ed. by N.V. Pyataeva. BVKI, Riga, vol. 4, pp. 304–349. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2024, Cities are like novels: every street is a page, every building is a chapter, *Shkatov readings. Proceedings of the International Scientific Conference*. Chelyabinsk State University publ., Chelyabinsk, pp. 587–596. URL: <https://vk.com/shkatova.conference2024> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., Ismagilova, A.F., 2019, Outdoor advertising of under construction residential real estate in Ufa, *Liberal Arts in Russia*, vol. 8, no. 1, pp. 77–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-reklama-stroyaschihsya-obektov-zhiloy-nedvizhimosti-ufy> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.) <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.1.7>
- Yakovleva, E.A., Ismagilova, A.F., 2020, Ufa as a text: the image of the national city on the example of the restaurant discourse of Bashkir cuisine, *Liberal Arts in Russia*, vol. 9, no. 5, pp. 334–341. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ufa-kak-tekst-obraz-natsionalnogo-goroda-na-primere-restorannogo-diskursa-bashkirskoy-kuhni> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.) <https://doi.org/10.15643/libartrus-2020.5.6>

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Евгения Андреевна Яковлева, доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0008-8736-286X>; e-mail: e_yakov@mail.ru

Information about the author

Evgeniya A. Yakovleva, Dr. Sc. (Philology), professor, Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0008-8736-286X>; e-mail: e_yakov@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 26.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 16.06.2026